

Лиена Марис
(вечер памяти)

14.12.01

Маляр-негодник пачкал мадонну в храме искусства

Вечер памяти Мариса Лиепы

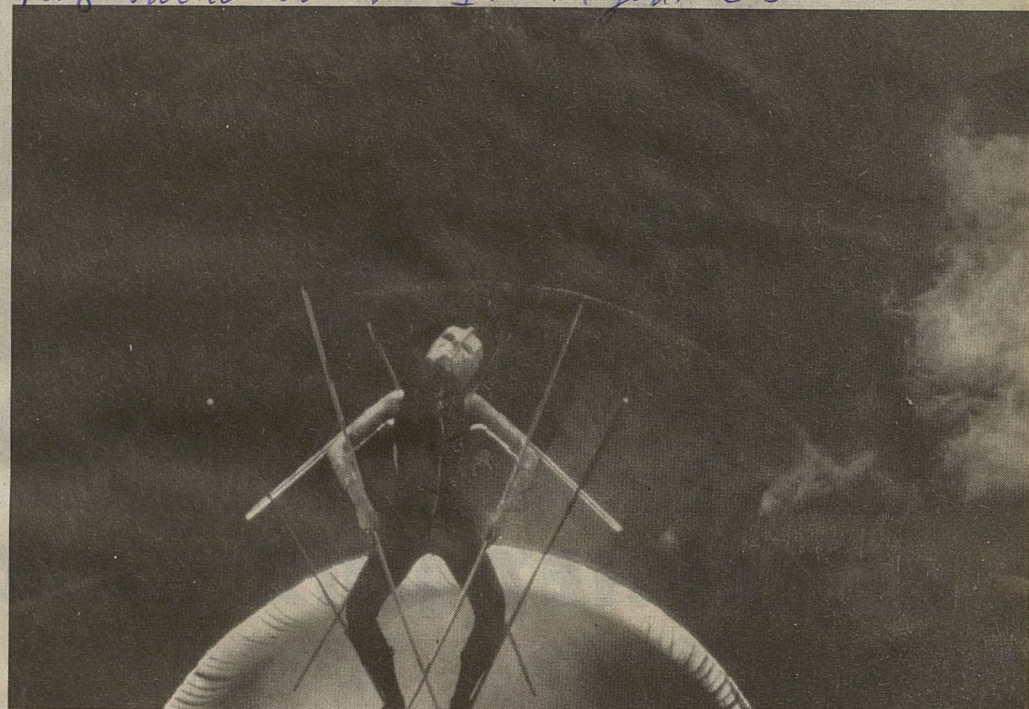
Майя Крылова

Независимая - 2001 - 14 дек. - с. 8.

Дети Мариса Лиепы обычно отмечают дни рождения отца в театре. Вывешивается портрет Мариса Эдуардовича, сын Андрис выходит к публике и говорит что-нибудь проникновенное, дочь Илзе показывает мемориальный номер – и концерт в придачу. Очередной вечер, подверстанный к 65-летию со дня рождения великого танцовщика, мог быть похожим на все предыдущие. Но решение детей показать «Музей Оскара Шлеммера» смешало карты.

Оммаж Шлеммеру, архитектору и дизайнеру Баухауза, оплота немецкого авангарда 20-х годов XX века, – самая удачная постановка Фонда Лиепы (см. «НГ» от 06.02.2001). Выбор этой костюмно-лазерно-пластической инсталляции по мотивам шлеммеровского «Балета Триад» понятен еще и потому, что Марис Лиена интересовался современным танцем, сожалея, что мало его танцевал. Жаль, что несовершенство оборудования сцены Большого театра заставило отказаться от эффектной подвижности декораций. Зато исполнители, артисты театра «черноеНебелое», отлично двигаются.

Но публика ГАБТа в целом и этого вечера в частности, рассчитывающая на знакомые арабески и идеальные балетные порывы... эта публика была оскорблена в лучших чувствах. Едва слышные аплодисменты (хлопали лишь критики и отдельные восхитившиеся энтузиасты) взорвались возмущением в антракте. Взъерепенившиеся зрители повторяли строки про мадон-

«Музей Оскара Шлеммера» – это динамические костюмы плюс дым, лазер и техномузыка.

Фото Алексея Бражникова

ну, которую пачкает негодник-маляр (в роли мадонны у них был то ли Марис Лиена, то ли здание Большого). «Здесь помещение, а не Ленинские горы, пусть там пускают свои лазеры», – вспоминая Жан-Мишеля Жарра, втолковывала билтерша гардеробщице. Околобалетный персонаж рассказывал всем и каждому, что храм искусства – не место для сомнительных экспериментов. «Такой ужас – на сцене императорского театра!» – восклицал артист, популярный двадцать лет назад. Взрыв негодования по накалу уступал только аналогичной ситуации при показе «Жизели» Матса Эка, когда на сцену императорского театра вышел голый Альберт.

Нервы зрителей успокоились лишь во втором действии, на дивертисменте с преобладанием классики. Особую радость, и вполне заслуженно, принесли гости-французы. Солисты Парижской оперы Летиция Пюжоль и Жан-Гийом Барт в двух номерах выстроили продуманный каркас техники, обвитый ее ненавязчивым кокетством и его мягкой элегантностью. Наши танцовщики тоже понравились: во-первых, балеты хорошие и понятные – псевдопиратский «Корсар» и мелодраматическая «Манон». Во-вторых, артистические имена известные – двое петербуржцев. Андрей Баталов с его грязновато исполненными виртуозностями. Холодно-ватая прима Мариинки Свет-

лана Захарова, кошечкой нежившаяся в объятиях де Грие. Еще москвичка, первый год на сцене ГАБТа, Нелли Кобахидзе в «Шопениане»: тонкие длинные ручки-ножки, распахнутые глаза с романтикой взора – в общем, наитие, которое всегда покоряет у способных балерин семнадцати лет.

И, главное, никаких корчей и лазеров.

...После грядущего капитального ремонта ГАБТ оснастят современным оборудованием. А вдруг компьютерные технологии спровоцируют кого-нибудь на новый эксперимент в академических стенах? Сплощенные ряды консерваторов с криком «чур меня!» сплевывают через левое плечо.